

Мотревич В.П.,
доктор исторических наук, профессор,
Уральская государственная юридическая академия

Деятельность органов НКВД–МВД СССР по организации мест захоронений иностранных граждан в 1940–1950-е годы

В ходе Великой Отечественной войны, согласно документам Генерального штаба, частями Советской армии было пленено 4 377 300 иностранных военнослужащих. После разгрома Квантунской армии число военнопленных увеличилось еще на 639 600 человек. Кроме того, в целях пресечения террористических актов в тылу Советской армии было интернировано 208 200 человек, «годных к физическому труду и способных носить оружие», арестовано 61 600 функционеров низовых нацистских партийных и административных органов. В плен попало и более 200 000 граждан Советского Союза, принимавших участие в войне на стороне Германии и ее союзников¹.

Первые эшелоны с военнопленными прибыли в Свердловскую область в мае 1942 г. Для их содержания были организованы Басьяновский, Монетно-Лосиновский и Исетско-Аятский лагеря. К 1945 г. численность находившихся на территории Уральского региона военнопленных и интернированных достигала 200 000 человек.

Согласно имеющимся документам, в советских лагерях для военнопленных умерло более 580 000 человек². Среди основных причин смерти — боевые ранения, их последствия и осложнения, дистрофия на почве хронического недоедания, нервно-психологические заболевания, а также естественные причины. Многие были на краю гибели еще в момент сдачи в плен. Так, из числа попавших в плен в ходе Сталинградского сражения 500 человек находились без сознания, у 70 % была дистрофия, почти 60 % имели обморожения 2–3-й степеней с осложнениями в виде гангрены и общего заражения крови. Почти все пленные страдали от авитаминоза и находились в состоянии крайнего физического

¹ Военнопленные в СССР, 1939–1956. Документы и материалы. — М., 2000. — С. 12.

² Галицкий В.П. Вражеские военнопленные в СССР (1941 – 1945 гг.) // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. — С. 44–45.

истощения. Примерно 10 % из них находились в безнадежном состоянии³.

Прибывший на Урал контингент также был ослаблен; условия пребывания военнопленных, особенно в первое время, были весьма тяжелыми. В результате количество умерших на Урале только в 1944–1949 гг. иностранных граждан составило свыше 30 000 человек. В Свердловской области умерло 14 306 человек, в Курганской — 687, в Оренбургской — 6 138, в Пермской — 1 442, в Челябинской — 2 220, в Башкирии — 1 331 и в Удмуртии — 4 967 человек. Они были захоронены на 189 специальных кладбищах⁴.

В ходе обработки автором выявленных в центральных и местных архивах документальных материалов и проведения поисковых работ в Курганской области удалось обнаружить 3 иностранных воинских кладбища, в Оренбургской и Пермской областях — по 19, в Свердловской области — 93, в Челябинской области — 30. Имеются иностранные воинские захоронения и в уральских автономиях: 11 — в Башкирии и 14 — в Удмуртии. Количество кладбищ постепенно сокращается по направлению с запада на восток. В Кировской области, к примеру, обнаружено 24 иностранных воинских кладбища, в Пермской — 19, а в Тюменской — только 2. В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке картина меняется, что связано с преимущественным расположением там лагерей для военнопленных из состава японской армии.

Зарождение лагерной системы для военнопленных и интернированных граждан происходило в самом начале Второй мировой войны. В соответствии с приказом Л.П. Берии от 19 сентября 1939 г. № 0308 было создано Управление по военнопленным при НКВД Союза ССР⁵. В дальнейшем в центре и на местах в УГПВ при НКВД СССР происходили многочисленные структурные изменения. В составе УНКВД краев и областей были созданы отделы или отделения (в зависимости от численности размещенных военнопленных) по делам о военнопленных и интернированных. В феврале 1943 г. в составе УНКВД по Свердловской области было организовано Управление (Отдел) по руководству лагерями для военнопленных.

В начальный период войны учет умерших пленных велся неудовлетворительно, несмотря на приказ НКВД СССР от 7 авгу-

³ Епифанов А.Е. Сталинградский плен: 1942–1956 гг. годы (немецкие военнопленные в СССР). Мемориальный музей немецких антифашистов. — М., 1999. — С. 40–41.

⁴ РГВА. Ф. 1 а. Оп. 1 е. Д. 96. Л. 32–34.

⁵ Военнопленные в СССР, 1939–1956. Документы и материалы. — М., 2000. — С. 25, 72.

ста 1941 г. Приказом была утверждена инструкция «О порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД», которой определялся порядок извещения о смерти пленных, их погребения и выдачи имущества умерших родственникам. В соответствии с инструкцией смерть каждого пленного должна была быть удостоверена актом медосмотра. Сообщение о смерти должно было направляться в Управление НКВД по делам о военнопленных и интернированных. Вместе с сообщением о смерти в управление должны были высылаться копия истории болезни в двух экземплярах (на умерших в стационарах), акт о смерти, акт патологоанатомического вскрытия (если оно производилось) и акт о погребении. Патологоанатомическое вскрытие трупов умерших в стационарах военнопленных должно было в обязательном порядке производиться в тех случаях, когда смерть наступала в первые 48 часов с момента госпитализации, а также когда лечащему врачу была не ясна причина смерти⁶.

Для получения точных сведений об умерших военнопленных 13 августа 1943 г. была издана директива НКВД СССР № 413 «О порядке учета умерших военнопленных», которой была утверждена «Инструкция по оформлению документов персонального учета на умерших военнопленных в лагерях и госпиталях НКВД». Начальникам лагерей и госпиталей предлагалось оформить персональный учет умерших за все время войны с тем, чтобы учетные данные совпадали с их реальным количеством. Для этого по каждому умершему собирались сведения, которые группировались в 10 различных списков.

Так, список № 1 составлялся на умерших военнопленных, учетные дела которых были представлены в управление. Список должен был содержать следующие сведения: фамилия, имя и отчество, национальность, год рождения, воинское звание и номер учетного дела⁷.

С учетом того, что умерших в ряде лагерей и госпиталей хоронили порой в случайных, не отведенных для этих целей местах, директива ГУПВИ НКВД СССР от 24 августа 1944 г. «О захоронениях военнопленных» предусматривалось отведение для захоронения умерших военнопленных в непосредственной близости от лагерей (госпиталей) специальных участков. Участки должны были быть огорожены колючей проволокой, чтобы обезопасить их от проникновения скота и растаскивания знаков населением, разбиты на квадраты. В каждом квадрате должно было быть 5 рядов могил по 5 могил в каждом ряду. Захоронения должны были

⁶ Военнопленные в СССР, 1939–1956. Документы и материалы. — М., 2000. — С. 162.

⁷ Там же. С. 446 - 449.

производиться с верхнего ряда (если смотреть в плане) слева направо. На практике во многих лагерях, особенно «лесных», разбивка на квадраты не производилась, и кладбища не огораживались⁸.

Содержавшиеся в отчетах ГУПВИ факты были подтверждены результатами эксгумаций останков военнопленных и интернированных, проведенных в 1995–1999 гг. в Уральском регионе. Так, в августе 1998 г. работы по эксгумации останков бывших военнослужащих венгерской армии проводились в Новолялинском районе Свердловской области, где были обнаружены два кладбища. Труднодоступный характер местности обусловил невозможность применения землеройной техники, и все работы проводились вручную. Оба кладбища заросли травой, кустарником и деревьями, поэтому перед началом эксгумации для определения границ захоронений была осуществлена расчистка территории. После этого выяснилось, что на каждом кладбище просматриваются только 3–4 могилы. Примененная при поиске остальных захоронений методика заключалась в пробивании неглубоких траншей и определении по вертикальным срезам участков перемешанного грунта, выявлении следов золы. Судя по датам смерти, большинство захоронений были зимними, и при рытье могил для оттаивания грунта разжигались костры.

Проведенная эксгумация показала, что все умершие были захоронены в гробах на глубине 1,2–1,8 метра. Многие гробы хорошо сохранились, часть из них пришлось вскрывать. При этом выяснилось, что составленные работниками НКВД кладбищенские схемы были недостаточно точными, давали зачастую лишь ориентировочные координаты как самого захоронения, так и расположенных на нем могил. К примеру, на кладбище военнопленных в 88-м лесном квартале архивная схема расположения могил в целом соответствовала их реальному нахождению, за исключением 54-го квартала, в котором число рядов оказалось меньшим, нежели указано на схеме. В первом из них находились останки не пяти, как это указывалось по схеме, а девяти человек. В результате в ходе эксгумационных работ были обнаружены останки 31 венгерского военнопленного из 32 числившихся по списку⁹.

На каждую могилу устанавливался опознавательный знак — прочный кол с прибитой к нему в верхней части дощечкой, с указанием в числителе номера могилы, в знаменателе — номера квадрата. В ряде случаев на могилах устанавливались металличе-

⁸ РГВА. Ф. 1 е. Оп. 15. Д. 341. Л. 26.

⁹ Мотревич В.П. Эксгумация останков венгерских военнопленных в Новолялинском районе Свердловской области // Урал индустриальный. — Екатеринбург, 1999. — С. 120.

ские стержни с приваренными к ним металлическими табличками. Такие стержни были установлены на кладбищах лагеря № 314 (г. Каменск-Уральский), лагеря № 102 (г. Челябинск), спецгоспиталя № 2929 (г. Нижний Тагил) и др. Писать фамилии и имена умерших запрещалось, однако это требование соблюдалось не всегда. В частности, проведенная в 1946 г. проверка состояния кладбищ военнопленных в Новолялинском районе Свердловской области показала, что на дощечках вместо номеров указаны имена и фамилии захороненных пленных.

Для учета умерших военнопленных и мест их захоронений в каждом лагере (лагерном отделении) заводились кладбищенские книги, в которые вносились фамилии, имена, отчества, годы рождения, национальности, воинские звания, даты смерти и захоронения, номера могил и квадратов, в которых хоронились умершие. К кладбищенским книгам прилагались планы кладбищ с разбивкой их на квадраты, с указанием номеров квадратов и имеющихся могил. Дополнительно к этим книгам для оперативного поиска заводились алфавитные книги, в которые заносились фамилии и имена умерших, их порядковые номера, под которыми они записывались в кладбищенские книги¹⁰.

Данная директива на местах выполнялась далеко не всегда¹¹, поэтому в целях проверки и контроля была издана новая директива ГУПВИ НКВД СССР от 7 декабря 1945 г № 28/74 «Об учете умерших военнопленных». В документе отмечалось, что в ряде случаев розыск умерших становился невозможным из-за отсутствия охраны кладбища и опознавательных знаков на могилах, небрежного ведения кладбищенских книг и оформления актов о смертях военнопленных. Для проверки соблюдения порядка захоронения умерших военнопленных создавались специальные комиссии из состава оперативных работников НКВД–УНКВД, которым поручалось на местах проверять порядок захоронений и состояние учета умерших. Директивой запрещалось захоронение трупов в общих могилах и без нательного белья. Умерших офицеров необходимо было хоронить в белье и верхней одежде¹².

Обнаруженные в ходе поисковых работ места захоронений военнопленных и интернированных различаются по размерам — от одиночных могил до крупных кладбищ, на каждом из которых захоронено несколько тысяч человек. Однако большинство клад-

¹⁰ Военнопленные в СССР, 1939–1956. Документы и материалы. — М., 2000. — С. 462–463.

¹¹ РГВА. Ф. 1 и/п. Оп. 05 е. Д. 1933. Л. 2–9; Д. 1935. Л. 26–27. Д. 1935. Л. 2–9.

¹² Военнопленные в СССР, 1939–1956. Документы и материалы. — М., 2000. — С. 479–480.

бищ военнопленных на Урале — средние по размерам (от 20 до 100 человек). На кладбищах имеются как индивидуальные, так и братские могилы. Братские захоронения характерны для военных лет, индивидуальные — послевоенных, когда смертность в лагерях резко сократилась.

Были, разумеется, и исключения. Так, в 1945 г. в Свердловской области в лагерях № 84, 231, 313, 504 умерших в результате эпидемии хоронили в братских могилах по 5–15 человек в каждой¹³.

Погребению умерших военнопленных из состава Квантунской армии была посвящена специальная директива НКВД СССР от 14 ноября 1945 г. № 201 «О порядке погребения трупов военнопленных японцев». В связи с тем, что по национальному обычаю в Японии трупы подвергаются кремации, из отдельных областей поступили запросы о порядке погребения умерших военнопленных японцев. Директивой предписывалось производить что захоронение трупов военнопленных японцев производить путем предания земле в соответствии с приказом НКВД от 7 августа 1941 г. № 001067. В смешанных лагерях, где содержались военнопленные германской и японской армий, захоронение умерших японцев требовалось производить с выделением специальных участков¹⁴.

Данная директива на местах, как правило, выполнялась, что подтвердили проведенные эксгумации останков военнопленных японцев на территориях Оренбургской и Свердловской областей. Основная часть военнопленных японцев содержалась на Дальнем Востоке, однако примерно полтысячи из них были направлены в Свердловскую область, где они находились в составе отдельных рабочих батальонов МО СССР № 428 и № 435. За время нахождения в плену 54 японца умерли и были захоронены на семи кладбищах военнопленных, расположенных в различных городах и районах области.

В августе 1995 г. на кладбище военнопленных спецгоспиталя № 2929 в поселке Рудник им. Третьего Интернационала (г. Нижний Тагил) были проведены эксгумационные работы. Кладбище представляло собой расположенный на окраине города в лесу заросший кустарником участок площадью 2,4 га, на котором было захоронено 1 725 человек. Изучение сохранившихся картографических материалов и опрос немногочисленных старожилов позволили установить приблизительное место захоронения японцев и произвести его расчистку. После этого стали отчетливо

¹³ Архив УФСБ России по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. д. 161. Л. 43.

¹⁴ Военнопленные в СССР, 1939–1956. Документы и материалы. — М., 2000. — С. 447, 462–463.

видны ряды могил, что позволило по схеме определить те из них, в которых предположительно были захоронены японцы. В ходе эксгумационных работ выяснилось, что кладбищенская схема в основном соответствует месту захоронения; это позволило обнаружить останки 17 из 18 захороненных японцев. Таким образом, на кладбище военнопленных для умерших японцев был выделен специальный участок, который был отмечен на кладбищенской схеме¹⁵.

Аналогичная картина наблюдалась и при эксгумации японцев на кладбище спецгоспиталя № 5888 в г. Медногорске Оренбургской области. Для умерших военнопленных японцев там также был выделен отдельный участок¹⁶.

В послевоенные годы МВД СССР был издан ряд директив и распоряжений о мероприятиях по снижению заболеваемости и смертности в лагерях для пленных и интернированных, упорядочению учета умерших и содержанию мест их захоронения. Так, специальным распоряжением МВД СССР от 17 сентября 1947 г. № 597 министрам внутренних дел республик и начальникам УМВД по краям и областям СССР предлагалось в период с 20 сентября по 20 октября 1947 г. проверить состояние всех кладбищ, на которых производилось захоронение умерших военнопленных и интернированных; при отсутствии неогражденных кладбищ или отсутствии опознавательных знаков, а также разрушенных холмиков могил, принять срочные меры по устранению выявленных ненормальностей. Также предписывалось проверить наличие на кладбищах карт-схем захоронений, а также документов местных органов власти на отвод для них земельных участков. В случае отсутствия разрешений советских органов на отвод участков требовалось добиться от них соответствующих официальных решений. В распоряжении прямо указывалось, что данная работа проводилась в связи с возможным посещением кладбищ представителями иностранных посольств и общественных организаций¹⁷.

В конце 1940-х гг. в связи с приближением сроков окончания репатриации контроль за состоянием мест захоронений военнопленных и интернированных был передан городским и район-

¹⁵ Мотрович В.П. Эксгумация останков японских военнопленных в Оренбургской области // Урал в прошлом и настоящем. Ч. 1. — Екатеринбург, 1998. — С. 469–471.

¹⁶ Мотрович В.П. О результатах эксгумации японских военнопленных на кладбище спецгоспиталя 2929 МВД СССР в г. Нижний Тагил Свердловской области // Ценности и идеология в современной России. — Екатеринбург, 1996. — С. 86–88.

¹⁷ Военнопленные в СССР, 1939–1956. Документы и материалы. — М., 2000. — С. 508.

ным отделам МВД СССР. Распоряжением министерства от 24 мая 1949 г. № 324 кладбища военнопленных и интернированных передавались для осуществления надзора местным органам МВД. Для этого начальники управлений лагерей МВД, лагерных отделений, спецгоспиталей и командиры рабочих батальонов должны были привести все кладбища в порядок — поправить ограды, опознавательные знаки, намогильные холмики¹⁸.

Однако выполнение распоряжения МВД СССР было далеко не всегда возможным, что подтверждают результаты поиска кладбища отдельного рабочего батальона № 435 Министерства обороны СССР в районе ст. Кунара Сухоложского района Свердловской области. Место захоронения японцев было определено на основании существовавшей кладбищенской схемы; имелись показания свидетелей, которые в 1950–1960-е гг. наблюдали на данном участке могильные холмики. Однако проведенные интенсивные поисковые работы не позволили обнаружить на участке следов захоронений. По-видимому, обозначенное на схеме кладбище являлось муляжным; сами же военнопленные были захоронены в другом месте. В пользу данного предположения свидетельствуют содержание документа от октября 1949 г., в котором отмечалось, что на могилах, в которых «были захоронены» японцы, имелись опознавательные знаки,..., а спустя еще три года это кладбище было распахано¹⁹, и содержание сохранившейся записки начальника находившегося в этом районе лагеря военнопленных № 153, в которой отмечалось, что кладбищенская документация по отдельному рабочему батальону и местонахождение захоронения японцев ему не были известны.

Тем не менее, на протяжении послевоенных лет, а зачастую и в 1960–1970-х гг., некоторые кладбища военнопленных и интернированных находились на балансе местных Советов и под надзором органов внутренних дел. Сохранились многочисленные справки и акты их осмотров с описанием состояния захоронений. Имеются и отчеты хозяйственных служб, отвечавших за содержание данных захоронений на местах, о состоянии кладбищ и затратах на их содержание²⁰.

Таким образом, после ликвидации лагерей, спецгоспиталей либо отдельных рабочих батальонов их администрации передавали кладбища под надзор местных органов власти, о чем составля-

¹⁸ Военнопленные в СССР, 1939–1956. Документы и материалы. — М., 2000. — С. 528.

¹⁹ Мотревич В.П. Японские воинские захоронения в Свердловской области: современное состояние и перспективы эксгумации // Этнокультурная история Урала XVI – XX вв. Екатеринбург, 1999. — С. 51–52.

²⁰ РГВА. Ф. 1 п. Оп. 05 е. Д. 1905. Л. 3–21.

лись соответствующие акты. Так, на территории Свердловской области в мае–июне 1949 г. органами внутренних дел было проверено состояние 88 кладбищ; они были приведены в порядок и переданы местным Советам.

Документация по захоронениям должна была передаваться на хранение в архивы местных управлений внутренних дел на правах совершенно секретной документации. Органы внутренних дел должны были не допускать задеирования территорий кладбищ военнопленных под строительство (посевы) без специальной санкции МВД СССР²¹.

Следует отметить, что данное распоряжение было издано слишком поздно. Ранее, несмотря на многочисленные директивы, контроль за состоянием кладбищ военнопленных зачастую фактически не осуществлялся. В результате многие кладбища были разрушены и перестали существовать. К концу 1950-х гг. в СССР осталось весьма немного кладбищ военнопленных, за которыми был организован надлежащий уход и которые можно было показывать иностранцам. Поэтому на запрос руководства ГДР о передаче ему списка находящихся на территории Советского Союза кладбищ германских граждан МВД СССР было готово представить информацию лишь о 50 кладбищах, на которых покоились останки около 30000 немцев. Примерно так же обстояло дело и с кладбищами, на которых были захоронены японцы²².

Проведенное нами в 1990-е гг. сплошное обследование всего массива иностранных воинских захоронений на территории Уральского региона и прилегающих территорий показало, что и теперь, спустя 65 лет после окончания Второй мировой войны, три четверти кладбищ в той или иной степени сохранились.

Относительно благополучное состояние кладбищ иностранных военнопленных на Урале объясняется несколько иным, нежели на западе страны, отношением населения края к военнопленным и их могилам. Во-первых, Урал был тыловым районом, который не был оккупирован и в котором не велось военных действий. Во-вторых, немалую часть жителей региона составляли люди, сами пострадавшие от существовавшего режима и находившиеся на Урале в ссылке либо заключении. В-третьих, в силу относительно меньшей плотности населения на Урале многие захоронения оказались попросту вне зон хозяйственной деятельности.

²¹ Военнопленные в СССР, 1939–1956. Документы и материалы. — М., 2000. — С. 528.

²² Военнопленные в СССР, 1939–1956. Документы и материалы. — М., 2000. — С. 529–530.

При этом уход за кладбищами со стороны местных властей, как правило, не осуществлялся. В Челябинской области единственным положительным исключением был участок захоронения военнопленных на гражданском кладбище в Тракторозаводском районе Челябинска. В Свердловской области уход осуществлялся за местом захоронения военнопленных на Нижне-Исетском гражданском кладбище в Екатеринбурге. В начале 1980-х гг. за счет городского бюджета этот участок был приведен в порядок, и уход за ним осуществлялся трестом похоронного обслуживания. Причиной особого внимания властей к участку захоронения военнопленных на Нижне-Исетском кладбище состояла в необходимости его демонстрации приезжавшим в город иностранным делегациям. Кроме того, в относительном порядке содержались кладбища военнопленных в Артемовском и Первоуральске.

Таким образом, в 1940-е гг. органам НКВД СССР удалось не только обеспечить детальный учет содержащихся в лагерях для военнопленных людей, но и подробно регламентировать порядок захоронения умерших иностранных граждан, что позволяет и в настоящее время производить выборочные либо массовые эксгумации и отправлять на родину прах умерших в Советском Союзе людей.